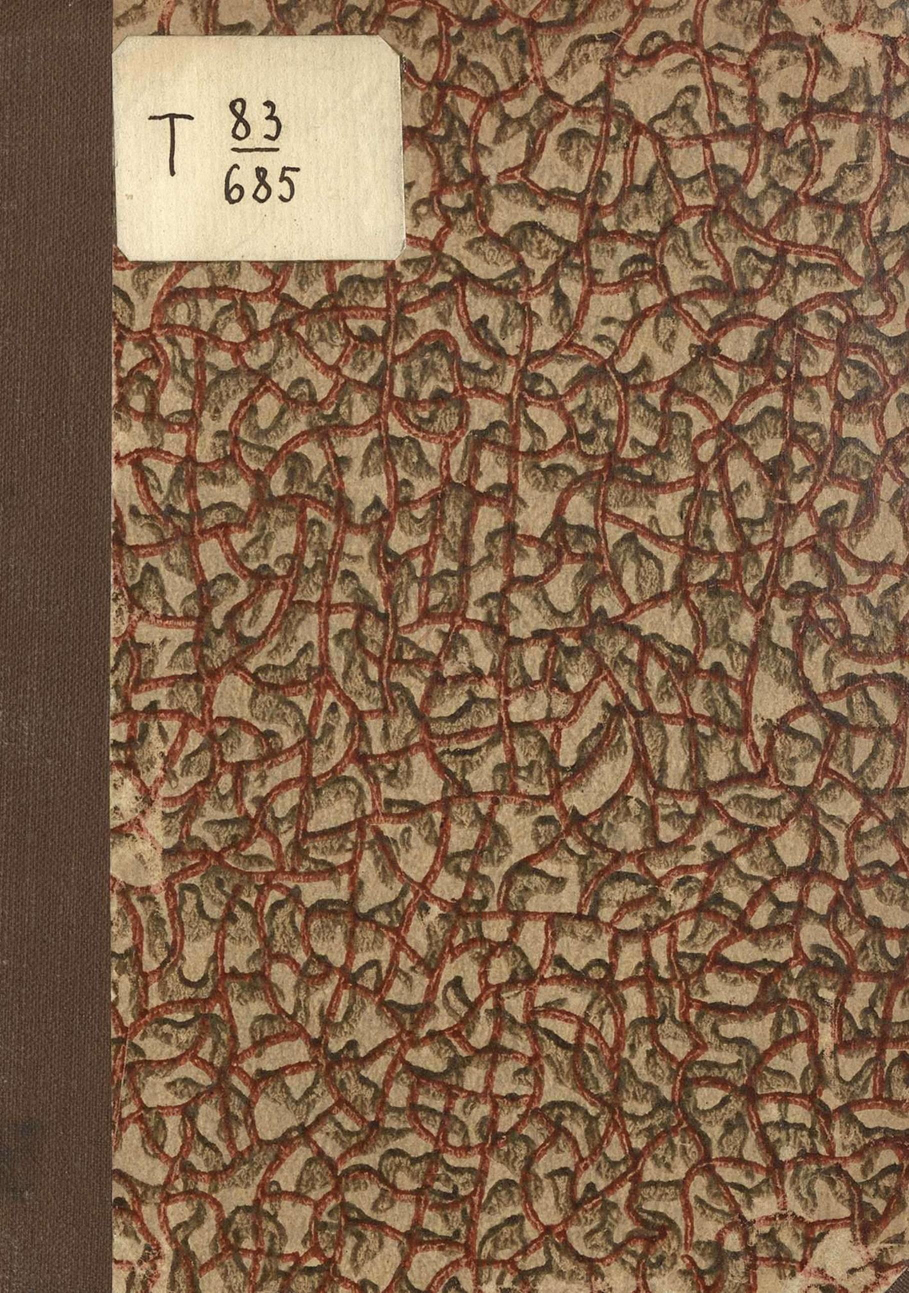

А. М. Бутлеровъ.

АНТИМАТЕРІАЛИЗМЪ

въ

НАУКѢ,

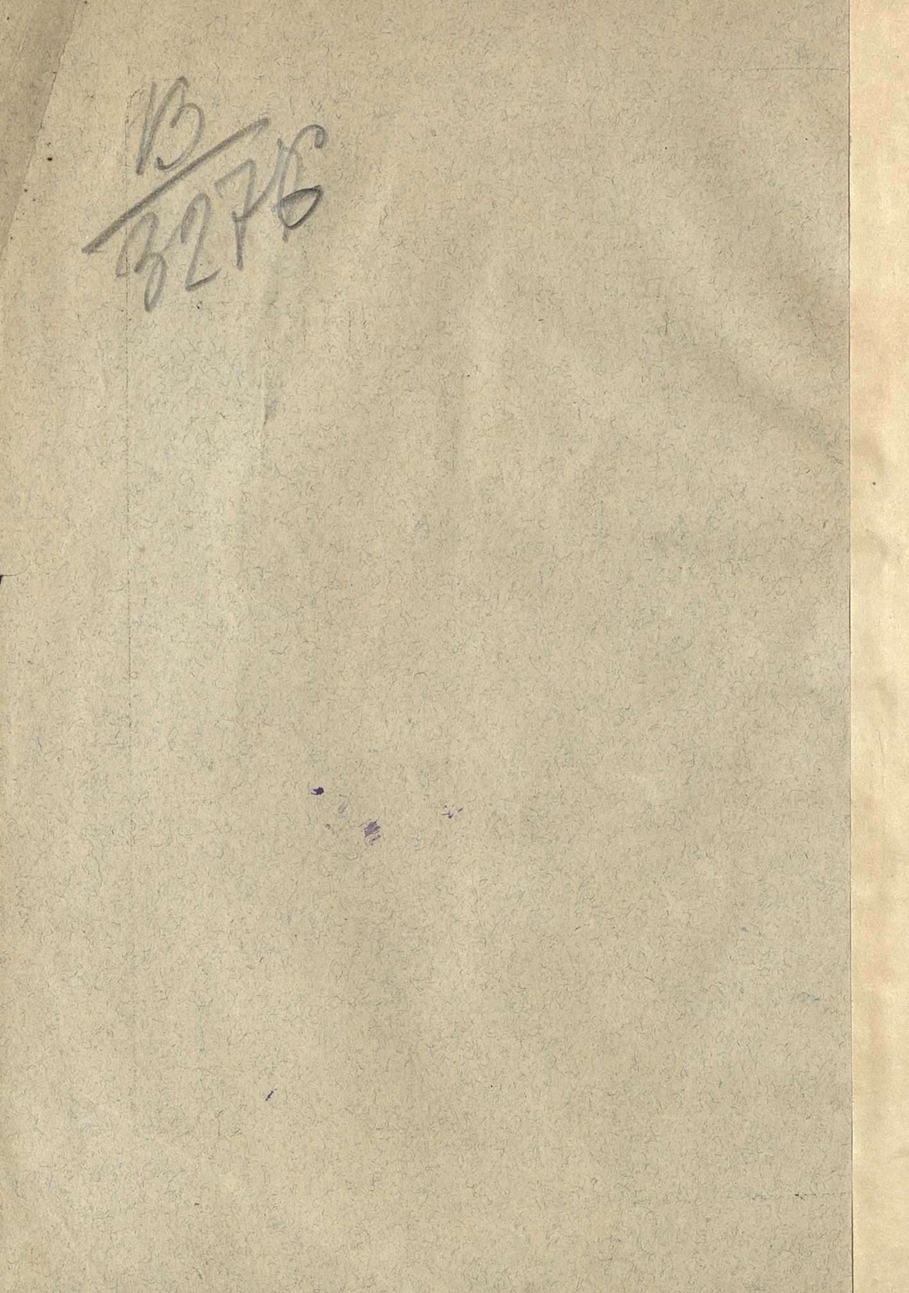
нейральный анализъ Іегера и гомеопатія.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

Редакціи журнала «Ребусъ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1888.

13
3276

А. М. Бутлеровъ.

АНТИМАТЕРІАЛИЗМЪ

въ

НАУКѢ,

НЕЙРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗЪ ІЕГЕРА И ГОМЕОПАТІЯ.

(Статьи напечатанныя въ газетѣ „Новое время“ 1881 года, за подписью „Не-гомеопатъ“).

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

Редакціи журнала «Ребусъ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1888.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Января 1888 года.

Спб. Тип. В. Демакова, Новый пер., д. № 7

Антиматеріализмъ въ наукѣ.

Нейральный анализъ Іегера и гомеопатія.

Преобладаніе силы надъ матеріей. Признаніе прежде отвергавшихся явленій. Научныя аналогіи въ пользу допущенія месмерическихъ вліяній и возможности дѣйствія гомеопатически малыхъ дозъ. Аллопатія и гомеопатія; средній путь. Нейрализъ. Хроноскопъ и нервное время. Нейралитическія кривыя; геуограммы и осмограммы. Опыты Іегера надъ гомеопатическими разжиженіями и его выводы.

I.

Не безъ основанія жалуются на паденіе идеаловъ, на преобладаніе глупаго матеріализма, но совершенно неосновательно винятъ въ этомъ положительное знаніе. Оно учитъ строго отличать фактъ отъ вывода; оно указываетъ лишь то, что есть, ограничиваясь областью наблюденія и опыта; оно вовсе не говоритъ о несуществованіи или невозможности существованія чего-либо. Не его вина, если нѣкоторые слишкомъ рьяные и недостаточно строгіе его адепты хватаютъ черезъ край. Лучшимъ, вѣрнымъ лекарствомъ отъ ихъ заблужденій можетъ служить то же самое положительное знаніе: всякое отрицаніе падаетъ предъ реальностью и здра-

вомысліемъ, если только заблуждающійся дѣйствительно человѣкъ знанія, а не фанатикъ, недоступный и говору фактовъ. Что фанатизмъ и въ отрицаніи не рѣдкость— это внѣ всякаго сомнѣнія. Факты, думается намъ, начинаютъ говорить все громче и громче противъ отрицанія. Теперь очередь за матеріализмомъ: ему приходится, склоняясь передъ дѣйствительностью, поступаться своимъ идеаломъ —если можно назвать «идеаломъ» стремленіе свести все существующее, безъ исключенія, къ чему-нибудь такому, что люди могутъ видѣть, ощупать, обнюхать, вымѣрить, взвѣсить и запереть въ банку. Наблюдая безпристрастно, со стороны, замѣчаешь ясно, какъ понемногу, шагъ за шагомъ, накопляются научные факты, понижающіе пьедесталъ, на который возвели *матерію*, и выдвигается впередъ преобладающее значеніе *силы*. Мы разумѣемъ здѣсь не тѣ странныя, трудно наблюдаемыя явленія, которыя описываются Уаллэсомъ, Круксомъ. Цёлльнеромъ и нѣкоторыми другими, а въ русскомъ ученомъ мірѣ имѣютъ также своихъ защитниковъ въ лицѣ профессора Вагнера и моемъ. Дѣло идетъ о фактахъ, болѣе или менѣе прочно констатированныхъ, провѣрить которые наблюденіемъ и опытомъ доступно для всякаго.

Къ такимъ фактамъ принадлежатъ, напримѣръ, явленія гипнотизма, надѣлавшія столько шума, и сродныя съ нимъ явленія, наблюдавшіяся и вызываемыя знаменитымъ Шарко надъ истерическими больными; сюда же относится такъ называемая *металлоскопія*, породившая даже *ксилоскопію*. Подъ первымъ названіемъ разумѣютъ факты, нынѣ уже прочно установленные, констатирую-

щіе характерное вліяніе, при простомъ прикосновеніи къ кожѣ, разныхъ металловъ и магнита на животный организмъ. При этомъ, различные металлы оказываются имѣющими различное дѣйствіе. Ксилоскопіей называютъ подобное же вліяніе, принадлежащее, говорятъ, нѣкоторымъ древеснымъ породамъ, и въ особенности —хинной коркѣ. Изъ металлоскопіи уже возникла *металлотерапія* — умѣнье пользоваться упомянутымъ вліяніемъ для врачебныхъ цѣлей. Эта отрасль медицины, весьма уважавшаяся въ древности и потомъ заброшенная, отрицавшаяся, какъ что-то мистическое и невозможное, — теперь опять начинаетъ пріобрѣтать право гражданства въ наукѣ [1]). Подобная же участь ожидаетъ, конечно, и нѣкоторыя другія категоріи знанія, остающіяся пока непризнанными. Если вѣрить наблюденіямъ Циглера (въ Женевѣ), то вліянія металловъ, хины и также живыхъ организмовъ или ихъ частей, могутъ дѣйствовать и на растенія—дрозеру *(росянку)*, которой волоски одарены нѣкоторою способностью движенія и которая занимаетъ, какъ извѣстно, видное мѣсто въ наблюденіяхъ Дарвина надъ насѣкомоядными растеніями. Вліянія эти могутъ даже, будто-бы, передаваться на разстояніи по нѣкоторымъ проводникамъ.

Въ сущности и про гипнотическія явленія, и про факты Шарко можно сказать то же, что и про вліянія металловъ. Они далеко не новость, и не болѣе какъ

---

[1]) См. «Календарь для врачей» на 1882 г., стр. 161 и 180. Факты металлоскопіи и металлотерапіи охарактеризованы тамъ названіемъ «почти чудовищныхъ».

извѣстныя, теперь вновь подогрѣтыя и пока еще на половину только признанныя явленія животнаго магнетизма, выступающія подъ новымъ и быть можетъ болѣе подходящимъ названіемъ. Впрочемъ, вмѣсто него, пожалуй, справедливѣе было бы, руководясь старшинствомъ, употреблять названіе *месмеризмъ*. Въ самомъ дѣлѣ, только тотъ, кто намѣренно игнорируетъ все относящееся до месмеризма, можетъ видѣть въ гипнотизмѣ новость. Да и месмеризмъ въ свое время новостью не былъ: явленія изъ его области были извѣстны древнимъ, какъ и явленія металлоскопіи. Правда, гг. врачи— и особенно у насъ — допускаютъ изъ числа гипнотическихъ явленій только тѣ, которыя такъ или иначе еще можно согласовать съ ихъ излюбленными воззрѣніями; они отрицаютъ все то, что имъ кажется неудобнымъ, какъ намекъ на существованіе и дѣйствіе чего-то самостоятельнаго не порождаемаго матеріею. Не трудно однако же предвидѣть, что ихъ усилія не могутъ быть успѣшны въ виду напора фактовъ, и нашимъ гг. коммисіонерамъ Солянаго Городка, обнаружившимъ какъ-то, по поводу пріѣзда Ганзена, столь много напрасной ревности къ опеканію публики отъ антиматеріалистическихъ выводовъ,—придется сознаться рано или поздно, что они напрасно теряли трудъ и время.

Сказать правду, мы никогда хорошенько не могли понять, почему затрудняются допустить, напримѣръ, вліяніе волевыхъ импульсовъ одного организма на дѣйствія другаго, безъ прямой передачи ихъ словами или знаками. Самыя явленія воли, ихъ постоянное дѣйствіе на собственный организмъ—загадка, но загадка, суще-

ствованіе которой никѣмъ не можетъ быть оспариваемо. Нельзя не признать, что дѣйствіе воли сопровождается нѣкоторыми измѣненіями въ состояніи вещественнаго организма, а вліяніе состоянія веществъ на разстояніяхъ—фактъ: желѣзо, намагничиваясь, начинаетъ дѣйствовать на разстояніи; проволоки, начавши проводить электрическіе токи, взаимодѣйствуютъ на разстояніи; всѣ тѣла, нагрѣвшись, сдѣлавшись свѣтящимися, начинаютъ посылать видимые и невидимые намъ лучи на огромныя разстоянія и т. д. Почему же не дѣйствовать на разстояніи и волѣ? Измѣненіе въ состояніи одного организма, конечно, можетъ вызывать опредѣленныя измѣненія въ другомъ организмѣ. — Право, кажется, недомысліе и отрицаніе находятся подъ часъ въ близкомъ родствѣ!

Можно, пожалуй, идти дальше. Сила, какъ извѣстно, способна скопляться въ тѣлахъ, образовать запасъ (*потенціальная энергія*); напр., тепло и свѣтъ, обнаруживающіеся при горѣніи дерева, каменнаго угля и т. п., представляютъ выдѣленія энергіи, приносимой на землю лучами солнца и поглощенной, запасенной растеніемъ во время его развитія; любой газъ представляетъ резервуаръ энергіи, обнаруживающейся въ видѣ тепла при сжатіи и, въ особенности, при переходѣ газа въ жидкое состояніе; такъ называемый *кантоновъ фосфоръ* [1]) способенъ поглощать свѣтъ и потомъ выдѣлять его, свѣтить въ темнотѣ, и проч. и проч. Месмеристы увѣряютъ, что волевые импульсы могутъ быть фикси-

[1]) Его приложенію обязаны своимъ происхожденіемъ свѣтящіяся въ темнотѣ вещи, находящіяся нынѣ въ такомъ ходу.

рованы на веществѣ и могутъ, такъ сказать, сохраняться въ немъ въ запасѣ. Допустить возможность этого конечно не легко, но разумный скептицизмъ, далекій отъ апріорнаго отрицанія, требуетъ величайшей осторожности и всесторонней провѣрки. Попробуйте однакожъ заговорить объ этомъ съ высокоученымъ отрицателемъ, и вы, вѣроятно, не встрѣтите ничего, кромѣ глумленія или снисходительнаго сожалѣнія о тѣхъ, которые могутъ находить подобныя «глупости» заслуживающими какого-нибудь вниманія.

Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ есть впрочемъ обстоятельства, значительно затрудняющія дѣло: явленія происходятъ въ сложнѣйшемъ и запутаннѣйшемъ изъ объектовъ, могущихъ подлежать наблюденію и опыту— въ животномъ и, по преимуществу, въ человѣческомъ организмѣ; а чѣмъ сложнѣе наблюденія, тѣмъ легче ошибка. Съ другой стороны, приложеніе точныхъ, мѣрительныхъ методовъ является здѣсь вообще невозможнымъ или, по меньшей мѣрѣ, крайне труднымъ.

Но есть явленія и болѣе простыя, способныя поколебать престолъ, на который возведена нынѣ матерія. Таковы, напр., извѣстныя наблюденія Гитторфа и Крукса надъ тепловыми эффектами, которые можетъ произвести электричество, лучисто распространяясь отъ отрицательнаго полюса въ пространствѣ, содержащемъ чрезвычайно разрѣженный газъ. Концентрируя эти электричекіе «лучи», Круксъ плавилъ платину. Энергія тока передается здѣсь веществу чрезъ пространство почти пустое и производитъ страшное возвышеніе температуры. Чѣмъ же переносится энергія? Много-ли, оказывается,

нужно вещества для того, чтобы оно явилось носителемъ огромнаго количества силы? Передача силы здѣсь, напротивъ, тогда именно и становится возможной, когда количество вещества доведено до минимума. Механика учитъ, что количество энергіи опредѣляется вѣсовой массой двигающагося вещества и скоростью движенія; если масса уменьшается, то скорость должна значительно увеличиться для того, чтобы эффектъ остался тотъ же. Съ этой точки зрѣнія, при безконечно малой массѣ разрѣженнаго газа, мы должны, для объясненія значительности эффекта, принять скорости, переходящія за всякій предѣлъ нашего представленія. — Въ маленькомъ снарядѣ мы встрѣчаемся съ безконечностію точно также, какъ и въ глубинахъ міозданія. Здѣсь — безконечность скорости; тамъ — безконечность пространства.

Гомеопаты давно увѣряютъ, что, для произведенія весьма значительныхъ дѣйствій на животный организмъ, нужны чрезвычайно малыя дозы вещества; они увѣряютъ даже, что съ уменьшеніемъ дозы возрастаетъ эффектъ. Только-что упомянутые несомнѣнные факты, легко констатируемые и, притомъ, констатируемые не на сложномъ объектѣ, каковъ животный организмъ, а на мертвомъ веществѣ, могутъ служитъ хорошей, твердой опорой для гомеопатіи. Но и помимо этихъ фактовъ, безпристрастный мыслитель едва ли найдетъ возможность отрицать безъ опыта дѣйствіе гомеопатическихъ лекарствъ, — тѣмъ болѣе, что въ возможности этого дѣйствія убѣждались всѣ тѣ наблюдатели, которые дали себѣ трудъ отнестись къ предмету терпѣливо и безъ особеннаго

предубѣжденія. Ходячій доводъ отрицателей сводится и въ этомъ случаѣ обыкновенно къ «не понимаю, а потому и не могу допустить». Какъ будто мѣркой нашего ограниченнаго пониманія исчерпываются безконечныя возможности природы! Оставимъ въ сторонѣ нашу гордую претензію понимать; вспомнимъ, что при здравомъ изученіи природы впереди всего идетъ констатированіе факта наблюденіемъ, потомъ — изученіе, при помощи того же наблюденія и при помощи опыта, разныхъ условій появленія факта. Только лишь послѣ всего этого наступаетъ — и то не скоро, и далеко не всегда — возможность пониманія.

Въ этомъ стремленіи понять — первенствующая роль принадлежитъ аналогіямъ; приравненіе явленія къ явленіямъ болѣе или менѣе изученнымъ, понятнымъ, есть первый, необходимый шагъ къ пониманію. Что же говорятъ намъ аналогіи въ данномъ случаѣ? Онѣ совсѣмъ не на сторонѣ отрицанія. Въ самомъ дѣлѣ, мы наблюдаемъ въ большинствѣ случаевъ, что приведеніе вещества въ состояніе менѣе сложное, болѣе тонкое, сопровождается накопленіемъ въ немъ энергіи, т. е. въ этомъ именно состояніи вещество является болѣе дѣятельнымъ. Образованіе воды изъ льда, — пара изъ воды — сопровождаются поглощеніемъ тепла; паръ является, такъ сказать, резервуаромъ энергіи; выдѣляя ее при обратномъ переходѣ въ воду, онъ оказывается способнымъ производить, напр., движеніе массъ, механическую работу. Химикъ скажетъ вамъ, что для разложенія вещества онъ долженъ въ большинствѣ случаевъ затрачивать силу, придавая веществу энергію. Такъ, напр., отъ

водянаго пара можно перейдти къ его составнымъ частямъ, къ водороду и кислороду, только на условіи еще несравненно большей затраты энергіи, чѣмъ при переходѣ отъ воды къ водяному пару: водородъ и кислородъ являются сравнительно огромными резервуарами силъ. Этотъ запасъ обнаруживается при обратномъ переходѣ въ воду, при соединеніи водорода съ кислородомъ, или въ видѣ громаднаго тепловаго эффекта или въ видѣ взрыва, т. е. движенія массъ. Если обратиться къ веществамъ химически однороднымъ, къ элементамъ, то и тутъ вообще оказывается, что наиболѣе энергичная химическая дѣятельность принадлежитъ именно такимъ элементамъ, которыхъ надобно, по вѣсу, сравнительно меньше, чѣмъ другихъ, для того, чтобы произвести опредѣленное химическое дѣйствіе. И такъ, если вообще, во множествѣ случаевъ, приходится наблюдать возрастаніе силъ при переходѣ вещества въ болѣе простое и тонкое состояніе, то отчего же, спрашивается, сочтемъ мы себя вправѣ отвергать подобное явленіе тамъ, гдѣ массы вещества по своей незначительности ускользаютъ отъ нашего прямаго наблюденія и непосредственнаго измѣренія? Развѣ можно забывать, что *большое* и *малое* — понятія относительныя, а безконечность одинаково существуетъ и одинаково недоступна для насъ, какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ.

Но если и оставить въ сторонѣ всѣ эти соображенія, то прямыхъ наблюденій, каждому доступныхъ и почти каждымъ сдѣланныхъ, достаточно для того, чтобы быть въ высшей степени осторожнымъ въ отрицаніи возможности дѣйствія гомеопатическихъ дозъ. Наблюденія эти

не принимаются въ соображеніе, кажется, именно потому только, что они слишкомъ обыкновенны. Всякому извѣстно, какъ мало надо нѣкоторыхъ пахучихъ веществъ для того, чтобы обонять ихъ; напримѣръ, большое пространство оказывается наполненнымъ запахомъ, т. е. въ атмосферѣ этого пространства всюду находятся частички пахучаго вещества, а между тѣмъ количество его не убыло вовсе, или, лучше сказать, происшедшая убыль такъ ничтожна, что констатировать ее на дѣлѣ мы не имѣемъ средствъ. Извѣстно также какія сильныя дѣйствія можетъ произвести запахъ на организмъ достаточно-чувствительный: рвота, конвульсіи, обморокъ и т. п. могутъ быть имъ вызваны. Но если возможность вліянія безконечно-малыхъ количествъ вещества на обонятельные нервы не подлежитъ сомнѣнію, то какое основаніе отвергать возможность подобныхъ вліяній на нервы наши вообще? Въ одномъ случаѣ впечатлѣніе, получаемое нервами, можетъ достигать сознанія, въ другомъ — нѣтъ; но фактъ вліянія можетъ все-таки существовать въ послѣднемъ случаѣ, какъ и въ первомъ. Не доходя до сознанія, онъ тѣмъ не менѣе можетъ выразиться извѣстными перемѣнами въ отправленіяхъ организма. Каждый чувствуетъ и сознаетъ напр. біеніе своего сердца, а червеобразное движеніе собственныхъ кишекъ никѣмъ не чувствуется, но тѣмъ не менѣе происходитъ и обладаетъ огромнымъ значеніемъ для жизни организма.

Вліяніе малыхъ гомеопатическихъ пріемовъ представляется такимъ образомъ совсѣмъ не столь невозможнымъ и непонятнымъ, какъ это обыкновенно думаютъ.

Возвышеніе дѣятельности вслѣдствіе разрѣженія тоже не лишено аналогій, и факты, защищаемые гомеопатами, должны бы давно обратить на себя серьезное вниманіе непредубѣжденныхъ здравомыслящихъ врачей. Но въ томъ-то и дѣло, что людей способныхъ отбросить предубѣжденія между адептами науки меньше, чѣмъ гдѣ-либо. Не даромъ сказалъ одинъ — тоже ученый, что «привычка къ мнѣнію порождаетъ убѣжденіе въ его непогрѣшимости».

Хладнокровному наблюдателю дѣло представляется ясно: увлекаются обѣ стороны. Гомеопаты грѣшатъ тѣмъ, что обыкновенно вовсе отказываются отъ аллопатіи, а противники ихъ, закрывая глаза на факты, впадаютъ въ апріорное отрицаніе ничѣмъ неоправдываемое. Соединеніе обоихъ методовъ несомнѣнно будетъ со временемъ преобладать въ медицинѣ. Въ живомъ организмѣ происходятъ физическіе и химическіе процессы, но процессы эти управляются дѣятельностью нервной системы, которой принадлежитъ первостепенное значеніе. Прямое, грубое, механическое или химическое вліяніе вещества является тогда, когда оно введено въ организмъ въ количествѣ болѣе или менѣе значительномъ; оно дѣйствуетъ тогда быстро и непосредственно, принимая участіе въ томъ или другомъ процессѣ, — дѣйствуетъ такъ, какъ дѣйствовало бы въ лабораторной стклянкѣ, или почти такъ, какъ дѣйствуетъ ножъ въ рукѣ хирурга. Такое дѣйствіе вліяетъ на нервную систему по преимуществу только косвенно. При неосторожности, аллопатическій пріемъ, упорядочивая ходъ одного процесса, нерѣдко производитъ без-

порядокъ въ другомъ. Но есть другой способъ вліять на ходъ процессовъ, вліять не прямо, но тѣмъ не менѣе могущественно. Способъ этотъ заключается въ непосредственномъ, исключительномъ дѣйствіи на то, что управляетъ процессомъ — на нервы. Это — гомеопатическій методъ. Сами аллопаты, кажется, нерѣдко лечатъ въ сущности на основаніи этого гомеопатическаго метода. Тогда то именно и приходится имъ сознаваться, что они дѣйствуютъ чисто-эмпирически. Такъ, напр., дѣйствіе хинина въ перемежающейся, болотной лихорадкѣ не будетъ гомеопатическимъ: вещества надобно дать тутъ столько, чтобы оно, такъ сказать, отравило кровь до степени, достаточной для умерщвленія маларійныхъ микроорганизмовъ, вызывающихъ своимъ присутствіемъ лихорадочныя явленія. Но если дѣло идетъ о тоническомъ, укрѣпляющемъ дѣйствіи хинина, то его, повидимому, приходится скорѣе причислить къ вліяніямъ гомеопатическимъ. Аллопаты въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ обыкновенно къ своимъ малымъ пріемамъ, и пріемы эти конечно нерѣдко могли бы быть превращены въ настоящіе гомеопатическіе.

Возьмемъ еще примѣръ. Малокровіе лечится, какъ извѣстно, желѣзомъ. Аллопатическіе пріемы желѣза могутъ нѣсколько измѣнить составъ крови, обогащая ее тѣми именно частями, которыя содержатъ въ себѣ желѣзо, и которыхъ недостатокъ обнаруживается у малокровныхъ. Измѣненіе состава ведетъ къ улучшенію питанія, кровотворенія, а чрезъ это и къ улучшенію хода нервной жизни. Прямо на нервы желѣзо въ этомъ случаѣ едва ли дѣйствуетъ въ смыслѣ обогащенія крови;

а его грубое, химическое вліяніе на кровь возможно, разумѣется, тогда только, когда организмъ способенъ усвоять большую или меньшую часть вводимаго въ него желѣза. Если такого усвоенія нѣтъ, — если, напримѣръ, питаніе организма значительно ослаблено, — то желѣзо сполна пройдетъ чрезъ него не усвояясь, и ожидаемаго дѣйствія не будетъ. Но значитъ ли это, что въ такомъ случаѣ вовсе нѣтъ пути къ обогащенію крови желѣзомъ? Путь этотъ существуетъ, и будетъ путемъ гомеопатическимъ (въ томъ смыслѣ слова, какой мы придали ему выше), хотя бы самые пріемы лекарства и были аллопатическіе: можно дѣйствовать на нервы и чрезъ это сдѣлать питаніе, усвоеніе веществъ болѣе дѣятельнымъ. Источникомъ желѣза послужитъ тогда обыкновенная пища, въ которой оно всегда присутствуетъ; то желѣзо пищи, которое безъ возбужденія нервовъ врачебнымъ веществомъ организмъ не могъ бы воспринять, будетъ теперь имъ задерживаться и скопляться въ кровяномъ потокѣ.

Разсуждая такимъ образомъ, мы конечно совсѣмъ не претендуемъ на полную безошибочность сказаннаго; но мы издавна думали, что такое толкованіе возможно и вѣроятно, — что апріорическое столь распространенное отрицаніе дѣйствія гомеопатически-малыхъ пріемовъ опирается вовсе не на строгія данныя науки, а скорѣе указываетъ на недостаточно строгое обсужденіе данныхъ съ ихъ аналогіями.

Блестящее фактическое подтвержденіе основательности гомеопатическаго ученія дано въ новѣйшее время интересными опытами извѣстнаго штутгартскаго зоолога

и физіолога профессора Густава Іегера (Iaeger). По мнѣнію Іегера, розультаты имъ полученные, способные къ точному выраженію цифрами, «сразу дѣлаютъ *гомеопатію* отраслью врачеванія *точно-физіологически обоснованной, ничѣмъ не уступающей аллопатіи»*. Методъ свой Іегеръ назвалъ *нейральнымъ анализомъ* (Neuralanalyse). Для удобства насъ, русскихъ, не привыкшихъ къ длиннымъ составнымъ словамъ въ нѣмецкомъ духѣ, мы рѣшаемся сократить это названіе по возможности и превратить его въ *«нейрализъ»*. Методъ и результаты нейралическихъ опытовъ Іегера изложены имъ въ особой брошюрѣ [1]) съ эпиграфомъ: *«Числа доказываютъ!»* (Zahlen beweisen).

II.

«Нейрализъ» (Neuralanalyse) Іегера основывается на приложеніи снаряда, извѣстнаго подъ именемъ *хроноскопа*. Назначеніе хроноскопа — опредѣлять весьма малые промежутки времени. Одна стрѣлка въ этомъ снарядѣ дѣлаетъ 5 или 10 оборотовъ въ секунду. Для нейралическихъ опытовъ достаточно пяти оборотовъ. Стрѣлка эта можетъ быть мгновенно пущена въ ходъ замыканіемъ гальваничесваго тока и также мгновенно остановлена его размыканіемъ. Чувствительность инстру-

---

[1]) Die Neuralanalyse, insbesondere in ihrer Anwendung auf die homöopatischen Vardünnungen, von Prof. Dr. Gustav Iaeger. Leipzig. Ernst Günther's Verlag. 1881 г. Съ 6-ю таблицами.

мента такова, что хроноскопомъ съ 10-ю оборотами стрѣлки можно измѣрить время, употребленное летящей пулей для того, чтобы пройти разстояніе въ одинъ футъ. Для этого располагаютъ опытъ такъ, что пуля, пролетая, дѣйствуетъ на проволоку и замыкаетъ токъ, а черезъ футъ разстоянія разрываетъ другую проволоку, и токъ прекращается. Стрѣлка снаряда успѣваетъ въ это время двинуться и пройти нѣкоторую часть оборота.

Нейрализъ заключается въ измѣреніи того, что у астрономовъ обозначается названіемъ *личнаго уравненія*, и что Іегеръ называетъ *нервнымъ временемъ* (Nervenzeit).

Если кто-либо наблюдаетъ моментъ появленія какого-нибудь сигнала и долженъ отмѣтить этотъ моментъ опредѣленнымъ знакомъ, напр. движеніемъ пальца, то между появленіемъ сигнала и движеніемъ пальца протекаетъ нѣкоторый промежутокъ времени, идущій на то, чтобы впечатлѣніе, полученное нервной сѣткой глаза, прошло чрезъ зрительный нервъ до мозга и отсюда распространилось по двигательнымъ нервамъ до мускуловъ пальца. Это и будетъ *нервное время*. Чтобы измѣрять его посредствомъ хроноскопа, замѣчаютъ положеніе стрѣлки, и, внимательно глядя на нее, медленнымъ движеніемъ руки замыкаютъ токъ, и тѣмъ пускаютъ стрѣлку въ ходъ. Какъ только наблюдателъ замѣтилъ начавшееся движеніе стрѣлки, онъ быстро его прекращаетъ размыканіемъ тока, и снова замѣчаетъ положеніе стрѣлки. Разность обоихъ положеній стрѣлки выразитъ «нервное время» въ извѣстныхъ доляхъ секунды. Продолжительность «нервнаго времени» будетъ зави-

сѣть, во-первыхъ, отъ состоянія, въ которомъ находится проводимость нервнаго и мышечнаго аппарата. Состояніе это совершенно независимо отъ воли. Во-вторыхъ, оно зависитъ отъ степени напряженности вниманія и силы волеваго импульса въ наблюдателѣ: чѣмъ энергичнѣе желаніе, чѣмъ больше вниманія, тѣмъ короче «нервное время». Чтобы второе условіе легче было соблюсти—необходимо упражненіе, въ силу котораго—по такъ называемому физіологами закону сообразованія (координаціи) движеній—достаточнымъ становится одинъ волевой импульсъ для того, чтобы совершить два движенія (замыканіе и размыканіе тока). Эти движенія сначала являются произвольными оба, но при достаточной привычкѣ второе изъ нихъ становится невольнымъ и всегда непосредственно слѣдуетъ за первымъ. Когда эта привычка пріобрѣтена, то «нервное время», опредѣляемое посредствомъ хроноскопа, становится мало зависимымъ отъ воли и указываетъ главнымъ образомъ только на быстроту распространенія возбужденія по нервамъ и мышцамъ.

До сихъ поръ обыкновенно обращали вниманіе на среднюю величину «нервнаго времени»; но Іегеръ замѣтилъ, что оно подлежитъ замѣчательнымъ колебаніямъ, которыя быстро слѣдуютъ одно за другимъ. Если, напр., сдѣлать сто хроноскопическихъ измѣреній «нервнаго времени» одно за другимъ чрезъ малые промежутки, напр. чрезъ каждыя 10 или 20 секундъ, то получится рядъ цифръ, значительно различныхъ между собою, причемъ измѣненія въ величинѣ этихъ цифръ, т. е. колебанія величины нервнаго времени — оказы-

ваются весьма характерными. Ихъ можно выразить по извѣстному способу графически, посредствомъ кривой линіи. Кривую, представляющую результаты всѣхъ сдѣланныхъ одно за другимъ измѣреній, Іегеръ называетъ *подробною* (Detailkurve). Кромѣ нея онъ строитъ другую кривую, обозначающую тѣ цифры, которыя получаются, если соединить послѣдовательныя наблюденія по десяти вмѣстѣ и вывести средній результатъ изъ каждаго десятка. Такой общій результатъ 10 наблюденій названъ Іегеромъ *декадной* цифрой (Decadenmittel или Decadenziffer). *Нейралитическія* кривыя (Neuralanalitische Kurven) представляютъ наглядно, въ числахъ, состояніе нашего нервнаго аппарата, по отношенію къ проводимости возбужденія, и характерныя колебанія этой проводимости. Изучая этимъ путемъ состояніе нервной системы, можно судить о томъ, какъ именно дѣйствуютъ на нее опредѣленныя внѣшнія и внутреннія вліянія; а такъ какъ дѣйствіе ихъ, при одинаковыхъ условіяхъ, постоянно, то, наоборотъ, по характерному состоянію проводимости нервной системы, можно дѣлать вѣрныя заключенія о натурѣ тѣхъ вліяній, подъ которыми находились нервы во время сдѣланнаго измѣренія.

По опытамъ Іегера и его учениковъ, видъ нейралитическихъ кривыхъ, которыя онъ называетъ также «психограммами», измѣняется съ одной стороны, отъ всего приходящаго въ организмъ извнѣ, а съ другой — отъ всякихъ внутреннихъ аффектовъ, каковы, напримѣръ, удовольствіе, гнѣвъ, боязнь, голодъ, жажда и проч. и проч. При этомъ, каждому вліянію или аффекту отвѣ-

чаютъ особыя характерныя кривыя. Съ другой стороны, одно и то же лицо, предпринимая опытъ при одинаковыхъ условіяхъ, получаетъ каждый разъ сходную психограмму подъ вліяніемъ опредѣленнаго введеннаго въ организмъ вещества. Особенно интересно и важно для нейрализа то, что способъ введенія веществъ въ организмъ не имѣетъ значенія; летучее вещество, при пріемѣ внутрь, даетъ тотъ же результатъ, какъ и при вдыханіи, причемъ совершенно безразлично, имѣетъ вещество запахъ или нѣтъ.

Такъ какъ для полученія результатовъ, допускающихъ сравненіе, условія во время опыта должны быть каждый разъ по возможности одинаковы, то необходимо обращать строгое вниманіе и на пищу съ питьемъ, и на чистоту атмосферы въ комнатѣ, гдѣ производятся опыты, и на состояніе здоровья или духа. Нѣсколько хроноскопическихъ измѣреній «нервнаго времени» могутъ тотчасъ показать опытному наблюдателю, находится ли онъ въ томъ же «нейралитическомъ расположеніи» (Neuralanalytische Disposition) по отношенію ко всѣмъ условіямъ, какъ и при опытахъ предъидущихъ. При этомъ обнаруживается огромная чувствительность организма: такъ напримѣръ, достаточно, по увѣренію Іегера, капли виннаго спирта, пролитой на столъ, покрытый лакомъ, чтобы запахъ лака, распространившись въ комнатѣ, измѣнилъ психрограмму и нарушилъ ходъ опыта.

При производствѣ нейралитическихъ опытовъ надъ дѣйствіемъ разныхъ веществъ, можно ихъ принимать внутрь или нюхать. Это, какъ упомянуто, не измѣняетъ результата: въ томъ и другомъ случаѣ характерныя для

вещества кривыя получаются одинаково; Іегеръ называетъ *геугограммой* психограмму вкусовую и *осмограммой* психограмму обонятельную. Осмограммы несравненно удобнѣе, потому что приложеніе ихъ гораздо шире: даже металлы — говоритъ Іегеръ — достаточно летучи, чтобы получать съ ними отличнѣйшія осмограммы. Притомъ дѣйствіе вещества, принятаго внутрь, нельзя прекращать по произволу, между тѣмъ какъ съ веществомъ вдыхаемымъ это сдѣлать не трудно. Для полученія осмограммъ достаточны ничтожныя количества вещества, и если оставить въ сторонѣ огромныя гомеопатическія разжиженія, то величина пріема оказывается не имѣющею большаго значенія. Такъ, наприпримѣръ, при вдыханіи алкоголя, результатъ одинаковъ, будетъ ли взята его поверхность размѣромъ въ одинъ квадратный центиметръ или будетъ алкоголь налитъ на тарелку.

Нейрализъ сначала разрабатывался Іегеромъ независимо отъ гомеопатіи, и будучи ранѣе противникомъ гомеопатическаго ученія о разжиженіяхъ, Іегеръ былъ весьма удивленъ, когда одинъ изъ его учениковъ случайно нашелъ значительное различіе въ дѣйствіи чистаго алкоголя и одного гомеопатическаго средства, взятаго въ сороковомъ разведеніи. Іегеръ не скрывалъ этого страннаго результата, и слѣдствіемъ было то, что одинъ изъ гомеопатовъ обратился къ нему съ просьбой подвергнуть гомеопатическія разжиженія систематически нейралитическому испытанію. Для этого изслѣдованія взяты были четыре гомеопатическихъ средства: *аконитъ*, *туйя*, *поваренная соль* (хлористый натрій) и *золото*. Аконитъ

выбранъ былъ потому, что представляетъ одно изъ употребительнѣйшихъ гомеопатическихъ средствъ; соль — потому, что ея дѣйствіе, описываемое гомеопатами, представляется особенно непонятнымъ въ виду постояннаго присутствія въ нашемъ организмѣ немалыхъ количествъ соли. Притомъ она также почти постоянно присутствуетъ и въ воздухѣ, а съ пищей мы ежедневно глотаемъ ее въ пріемахъ далеко не гомеопатическихъ. *Туйя* взята была какъ средство, которому гомеопаты приписываютъ способность дѣйствовать въ особенности въ наивысшихъ разведеніяхъ, а золото — какъ вещество, считающееся нерастворимымъ въ алкоголѣ.

Кромѣ самого Іегера, наблюденія производились еще тремя его учениками. Всѣ средства испытывались обыкновенно такимъ образомъ, что сначала каждый разъ дѣлалось, одно за другимъ, 10 наблюденій при нормальномъ состояніи наблюдателя, потомъ — 90 наблюденій съ тѣмъ алкоголемъ, который служилъ для приготовленія разведенія даннаго средства, и затѣмъ уже — 100 наблюденій надъ самимъ средствомъ. Соединяя всѣ эти наблюденія въ декады, выводя для каждой декады среднiй результатъ, и строя кривыя, получаютъ двойную (изъ 200 опытовъ) декадную осмограмму, въ которой первая декада будетъ отвѣчать нормальному состоянію, девять послѣдующихъ — алкоголю, и десять остальныхъ — взятому гомеопатическому средству. Для того, чтобы знать, какъ и насколько опыты съ чистымъ алкоголемъ могутъ вліять на результатъ тѣхъ опытовъ со средствами, которые идутъ непосредственно за ними — получаемы еще были осмограммы, при которыхъ, послѣ

90 опытовъ съ чистымъ алкоголемъ, дѣлалось еще 100 опытовъ съ нимъ же самимъ. Сравненіе всѣхъ осмограммъ позволяетъ судить о томъ, можно ли нейралитически отличить данное гомеопатическое средство отъ алкоголя, употребленнаго для его приготовленія. Отвѣтъ на этотъ вопросъ получился утвердительный.

Результаты оказались совершенно положительными и, вообще, характерными и постоянными для одного и того же наблюдателя и одного и того же средства. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ результаты сходились и у разныхъ наблюдателей. Гомеопатическія средства покупались въ готовомъ видѣ; но такъ какъ нѣкоторыми защитниками аллопатіи было высказано подозрѣніе, что разжиженіе лекарствъ въ гомеопатическихъ аптекахъ быть можетъ не всегда производится добросовѣстно, то Іегеръ заставлялъ иногда приготовлять лекарства у себя на дому, подъ собственнымъ наблюденіемъ. Результаты получались при этомъ тѣ же самые, какъ и съ лекарствами, взятыми изъ гомеопатическихъ аптекъ въ готовомъ видѣ. Что касается алкоголя, употребляемаго для приготовленія лекарствъ въ разныхъ аптекахъ, то онъ найденъ не совсѣмъ одинаковымъ по своему нейралитическому значенію, и Іегеръ призываетъ вниманіе врачей-гомеопатовъ на это обстоятельство.

По опытамъ Іегера, не только оказалось, что гомеопатическія средства дѣйствуютъ опредѣленно даже и въ высшихъ (*сотыхъ и тысячныхъ*) разжиженіяхъ, но подтвердилось также и общепринятое у гомеопатовъ мнѣніе, что дѣйствіе усиливается чрезъ разжиженіе.

Аконитъ въ первоначальной тинктурѣ уменьшалъ возбуждаемость, а въ разжиженіяхъ вообще увеличивалъ ее; причемъ максимумъ дѣйствія оказался у 15-го разжиженія. Въ дальнѣйшихъ разжиженіяхъ дѣятельность аконита уменьшается до нѣкоторой степени, но потомъ снова начинаетъ увеличиваться, и, при 150-мъ разжиженіи, достигаетъ новаго максимума, но не столь высокаго, какъ первый. Характерныя черты дѣйствія оказались однѣ и тѣ же въ аконитѣ 100-го разжиженія, взятомъ изъ разныхъ аптекъ. Замѣчательно, что и для туйи, соли и золота также оказалось возрастаніе дѣятельности до 15-го разведенія. Этотъ фактъ констатированъ одинаково разными наблюдателями. Но еще замѣчательнѣе тотъ изумительный результатъ, что обыкновенная (поваренная) соль обнаруживаетъ главный максимумъ дѣйствія въ *двухтысячномъ разжиженіи*, хотя первый максимумъ и у нея, какъ у другихъ средствъ, наступаетъ въ 15-мъ разжиженіи.

Извѣстно, что при приготовленіи гомеопатическихъ разведеній, жидкости подвергаются сильному взбалтыванію, и гомеопаты приписываютъ этой манипуляціи существенное значеніе. Для уясненія этого обстоятельства, Іегеръ нарочно велѣлъ приготовить разжиженія аконита безъ взбалтыванія, простымъ смѣшиваніемъ, и подвергъ ихъ нейралитическому испытанію. Характеръ дѣйствія найденъ былъ все тотъ же, но сила дѣйствія была здѣсь сначала меньше, чѣмъ у лекарствъ, приготовленныхъ обычнымъ путемъ. Разница эта, однако же, черезъ нѣкоторое время сглаживается. Взбалтываніе придаетъ, повидимому, разжиженіямъ аконита то со-

стояніе, которое безъ взбалтыванія достигается ими лишь постепенно, черезъ нѣсколько дней. Въ виду такого результата можно было предположить, что само лекарственное вещество играетъ меньшую роль, чѣмъ многочисленныя взбалтыванія, которымъ подвергается алкоголь, во время приготовленія разжиженій. Іегеръ велѣлъ поэтому продѣлать надъ чистымъ алкоголемъ весь тотъ рядъ манипуляцій, которому онъ подвергается при полученіи разжиженій, до сотаго. Нейралитическое испытаніе такихъ разжиженій изъ чистаго алкоголя привело Іегера къ заключенію, что взбалтываніе само по себѣ почти вовсе не измѣняетъ дѣйствія алкоголя.

Опредѣленность и характерность полученныхъ результатовъ вообще такова, что Іегеръ разсчитываетъ на возможность узнавать нейралитическимъ путемъ не только натуру гомеопатическаго средства, но также—хотя бы только и приблизительно — степень его разжиженія. Кромѣ того, по увѣренію Іегера, согласному съ общимъ мнѣніемъ гомеопатовъ, вліяніе веществъ въ гомеопатическихъ разведеніяхъ замѣтно не по одному нейрализу: оно прямо производитъ на организмъ извѣстное, болѣе или менѣе ощущаемое дѣйствіе. Нерѣдко присутствіе веществъ можетъ быть констатировано даже обоняніемъ. Во время опытовъ наблюдатели постоянно замѣчали надъ собою опредѣленныя характерныя явленія, которыя выступали особенно рѣзко, если не было предпринимаемо, по окончаніи опыта, никакихъ мѣръ для уничтоженія вліянія вдохнутаго гомеопатическаго средства. Что касается дѣйствій гомеопатическихъ раз-

веденій на органъ обонянія, то сообщаемое объ этомъ Іегеромъ переходитъ за предѣлы всякаго ожиданія. Самъ Іегеръ ясно различалъ по запаху 10-е разжиженіе аконита отъ чистаго алкоголя, а одинъ изъ его помощниковъ, одаренный обоняніемъ особенно тонкимъ, положительно утверждаетъ, что чувствовалъ особый запахъ, какъ у туйи, такъ и у поваренной соли, во всѣхъ разведеніяхъ; у туйи — до *тысячнаго*, а у соли — до *двухтысячнаго разжиженія*. Другой наблюдатель находилъ различіе между запахомъ чистаго алкоголя и запахомъ золота въ *пятисотомъ* разжиженіи. Что явленіе это не было субъективнымъ — доказывается тѣмъ, что и многія другія лица, надъ которыми этотъ наблюдатель и самъ Іегеръ произвели опыты, также постоянно ощущали различіе запаха, хотя и не были предупреждены и даже вовсе не знали о чемъ идетъ дѣло. Однажды посѣтилъ Іегера одинъ штутгартскій врачъ-*аллопатъ*, д-ръ Ренцъ, увѣрявшій, что обладаетъ очень тонкимъ обоняніямъ. Іегеръ далъ ему нюхать и сравнивать золото въ пятисотомъ разведеніи, повареную соль въ двухтысячномъ разведеніи и чистый алкоголь, послужившій для приготовленія этихъ средствъ. Ренцъ нашелъ опредѣленное различіе въ запахѣ каждой изъ трехъ жидкостей, и притомъ характеръ ощущеній имъ испытанныхъ оказался сходнымъ съ тѣмъ, что чувствовали и другіе наблюдатели, нюхая тѣ же средства.

Несомнѣнная дѣйствительность гомеопатически-разведенныхъ средствъ объясняетъ, по мнѣнію Іегера, дѣйствіе такихъ минеральныхъ водъ, въ которыхъ химическій анализъ не указываетъ присутствія какихъ-либо

особыхъ веществъ. Это просто—гомеопатическія воды въ высокихъ разжиженіяхъ.

Хотя всѣ знаютъ, что гомеопатическія лекарства употребляются часто въ большихъ разжиженіяхъ, но далеко не всѣ имѣютъ ясное представленіе о какихъ именно величинахъ идетъ здѣсь рѣчь. Іегеръ считаетъ по этому не лишнимъ представить расчетъ, который, уясняя величину разжиженія, въ то же время указываетъ необычайно-огромную чувствительность нейральнаго анализа. Спектральный анализъ, также отличающійся чувствительностью, и въ особенности чуткій по отношенію къ поваренной соли, способенъ обнаруживать это вещество въ десятимилліонныхъ доляхъ миллиграмма (миллиграммъ представляетъ около *одной сорокатрехтысячной золотника*); но такія количества отвѣчаютъ приблизительно только *седьмому* гомеопатическому разжиженію, а между тѣмъ нейрализъ, какъ показано выше, открываетъ поваренную соль въ *двухтысячномъ разжиженіи*, въ которомъ она еще притомъ обнаруживаетъ максимумъ дѣйствія. Чтобы показать величины, представляемыя дѣятельной частью гомеопатическихъ средствъ, Іегеръ не беретъ двухтысячнаго разжиженія, такъ какъ его величина лежитъ выше всякаго нашего представленія, — онъ ограничивается *сотымъ* разжиженіемъ.

При каждомъ разжиженіи количество вещества дѣлится на *десять*. Поэтому, въ *сотомъ* разжиженіи, на одинъ миллиграммъ или, что все равно, на одинъ кубическій миллиметръ первоначальной лекарственной тинктуры приходится такое количество алкоголя, которое,

представивши его въ миллиграммахъ (или кубическихъ миллиметрахъ), выражается цифрою, имѣющею послѣ единицы *сто* нулей. Если представить себѣ всю эту массу жидкости въ формѣ куба, то, для полученія длины ребра этого куба, надо будетъ упомянутую цифру раздѣлить на *три*. Длина ребра выразится стало быть круглой цифрой, имѣющей послѣ единицы *тридцать три* нуля. Чтобы перевести *миллиметры* въ *метры*, надо раздѣлить эту цифру на *тысячу*, т. е. уменьшить ее на *три* нуля. Получится такимъ образомъ цифра, состоящая изъ *единицы и тридцати нулей*, что представляетъ *одинъ квинтиліонъ*. Это и будетъ, выраженная въ метрахъ, величина ребра куба, изображающаго то количество алкоголя, которое, въ сотомъ разжиженіи, приходится на одинъ кубическій миллиметръ первоначальной тинктуры. Чтобы дать нѣкоторое ближайшее понятіе о протяженіи въ квинтиліонъ метровъ, Іегеръ указываетъ на его отношеніе къ разстоянію земли отъ солнца (приблизительно 150 милліардовъ метровъ) и, наконецъ,—къ разстоянію земли отъ Сиріуса. Послѣднее, круглымъ счетомъ, въ милліонъ разъ болѣе солнечнаго, и представляетъ наибольшую мѣру, употребляемую въ астрономіи. Простой разсчетъ показываетъ что въ *квинтиліонъ метровъ* содержится около *десяти трилліоновъ солнечныхъ разстояній* и около *семи билліоновъ разстояній отъ земли до Сиріуса*. Величины эти подавляюще велики; если же взять *двухтысячное разжиженіе*, то, выражая величину ребра куба жидкости *въ разстояніяхъ Сиріуса*, мы имѣли бы цифру, заключающую не менѣе 646 знаковъ.

Іегеръ думаетъ, что разжиженія производятъ надъ растворимымъ веществомъ измѣненія подобныя тѣмъ, какія показаны Круксомъ для газовъ въ такъ называемомъ «лучистомъ состояніи». По мнѣнію Іегера, запасъ энергіи, быть можетъ, увеличивается отъ разжиженія, напр., на счетъ поглощенія теплоты, и этотъ-то родъ движенія именно ощущается нашими органами вкуса и обонянія.

Уже многіе врачи обратились къ Іегеру для того, чтобы ознакомиться съ пріемами нейрализа. Одинъ изъ нихъ—аллопатъ, остальные—гомеопаты; но Іегеръ выражаетъ надежду, что аллопаты не дадутъ гомеопатамъ опередить себя. Онъ напоминаетъ имъ что,—

Die durch den Irrthum zur Wahrheit reisen,
Das sind die Weisen;
Die auf den Irrthum beharren,
Das sind die Narren.

Чрезъ заблужденья къ правдѣ
Идутъ мудрецы;
За заблужденіе крѣпко
Держатся глупцы.

Увеличеніе, вслѣдствіе разжиженія, вліянія вещества на организмъ, доказанное теперь численными данными, дѣлаетъ, по мнѣнію Іегера, невозможнымъ прежнее систематическое, принципіальное отрицаніе гомеопатическаго ученія со стороны медицинскихъ факультетовъ. Мало того,—субъективныя ощущенія, наступающія въ организмѣ подъ дѣйствіемъ высшихъ разжиженій, въ такой степени рѣзки и опредѣленны, что Іегеръ счи-

таетъ позволительнымъ сдѣлать предположеніе довольно нелестное для противниковъ гомеопатіи: «изъ числа всѣхъ тѣхъ ученыхъ и врачей, которые столь рѣшительно отрицали всякое дѣйствіе гомеопатическихъ разжиженій, едва-ли хоть одинъ сдѣлалъ *одну* честную попытку серьезно изслѣдовать дѣло; иначе, по меньшей мѣрѣ, онъ былъ бы озадаченъ».

Іегеръ разсчитываетъ на то, что опыты его будутъ провѣрены, и совершенно справедливо считаетъ эту провѣрку непремѣнной обязанностью людей, оффиціально носящихъ званіе ученыхъ. И для науки, и для практики, говоритъ онъ, важно знать, на сколько тутъ правды; въ интересѣ многихъ жизней совсѣмъ не все равно, будетъ ли истина обнаружена годомъ раньше или годомъ позже. На сообщенія, сдѣланныя объ этомъ Іегеромъ еще прежде, слышалось не разъ въ отвѣтъ, что все это *вздоръ* (Schwindel). Теперь Іегеръ выступилъ съ *цифровыми доказательствами* и считаетъ себя въ правѣ требовать отъ своихъ противниковъ тоже *цифръ*. Онъ не разсчитываетъ на слѣпое довѣріе къ своимъ сообщеніямъ, но ждетъ, чтобы ихъ подвергли испытанію, потому что «тотъ, кто отвергаетъ, не испытывая, не только не заслуживаетъ имени ученаго, но даже и названія честнаго человѣка».

Указывая на то, что множество открытій точно также сначала встрѣчались недовѣріемъ и отрицаніемъ, а ихъ авторы подвергались осмѣянію, Іегеръ считаетъ себя вынужденнымъ утверждать, что и «въ нашъ просвѣщенный вѣкъ дѣлается то же самое». Ему, Іегеру, приходится теперь испытывать такія же глумленія и

нападки, какія выпали когда-то на долю Гарвея, открывшаго кровообращеніе (circulatio) и прозваннаго «циркуляторомъ». Особенно ожесточенныхъ противниковъ Іегеръ видитъ «по преимуществу въ тѣхъ самыхъ евреяхъ, которые, расточая черезъ своихъ друзей звонкія фразы въ прусскомъ парламентѣ, возстаютъ противъ антиеврейскаго движенія и разыгрываютъ роль невинности незамутившей воды». «Я бы могъ»—говоритъ Іегеръ — «написать весьма поучительную книжечку о той травлѣ со стороны евреевъ («Judenhetze»), которая идетъ противъ меня за послѣдніе полтора года; но не дѣлаю этого потому, что не хочу подливать масла въ огонь, который и безъ того горитъ ярче, чѣмъ это было бы желательно».

По истинѣ замѣчательно, что тамъ, гдѣ дѣло грозитъ опасностью матеріализму, въ числѣ его первыхъ и наиболѣе ярыхъ защитниковъ являются евреи: далеко не послѣднее мѣсто принадлежитъ имъ, напримѣръ, какъ извѣстно, въ войнѣ противъ знаменитаго Цёлльнера. Подобно Іегеру, Цёлльнеръ между евреями встрѣтилъ наиболѣе ожесточенныхъ противниковъ.

Вѣрны или нѣтъ факты, сообщаемые Іегеромъ—покажетъ время. Безъ сомнѣнія крайне желательно, чтобы они возможно скорѣе были подвергнуты провѣркѣ, но мы, къ сожалѣнію, едва-ли ошибемся, думая, что провѣрка эта заставитъ еще ждать себя, и что прежде всего — у насъ, по крайней мѣрѣ, — сдѣланы будутъ пробы отрицать не испытывая, въ видахъ-де предохраненія публики отъ увлеченій таинственностью и шарлатанствомъ. Бѣдная публика! У нея въ подобныхъ

случаяхъ является болѣе «семи нянекъ» и притомъ самозванныхъ. Примѣръ нашей велемудрой коммисіи Соляного городка—еще свѣжъ въ памяти. Вмѣстѣ съ другими примѣрами, онъ съ достаточной убѣдительностью доказываетъ, что гг. высокоученые мужи, или считающіе себя таковыми и претендующіе на свѣжѣйшую современность своихъ убѣжденій, въ такихъ случаяхъ обыкновенно берутся за дѣло совсѣмъ не для того, чтобы познать истину путемъ терпѣливаго изслѣдованія, а для того, чтобы выставить свою непогрѣшимость и, во чтобы то ни стало, доставить торжество своимъ излюбленнымъ воззрѣніямъ.

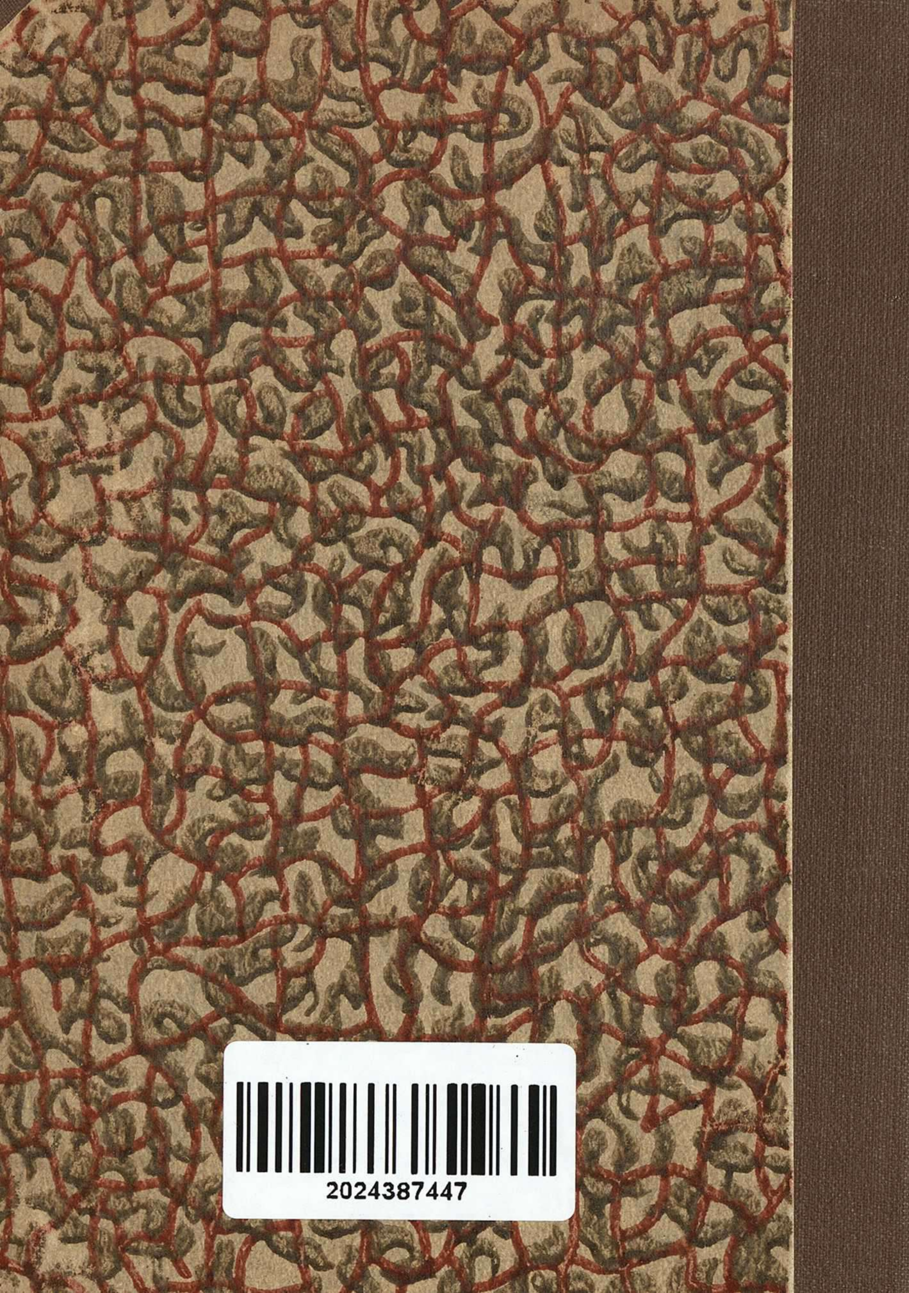
Впрочемъ, и у насъ публика становится, кажется, все менѣе и менѣе склонной признавать за этими опекунами тѣ права, на которыя они претендуютъ. Въ добрый часъ! Пусть опекуны взаимно ублажаютъ другъ друга; факты накопляются и помимо ихъ, а подъ давленіемъ фактовъ противники превращаются въ союзниковъ. Не справляясь съ человѣческими симпатіями, антипатіями и самолюбьицами, истинное знаніе идетъ впередъ своимъ чередомъ, и тотъ, кто не послѣдуетъ за нимъ, скоро окажется въ числѣ отсталыхъ.

Въ настоящее время я считаю не лишнимъ прибавить, что и само основное правило гомеопатіи, *similia similibus*, не лишено аналогій. Давно извѣстно, что нѣкоторыя болѣзни почти никогда не повторяются у одного и того же субъекта; прививная оспа давно употребляется какъ средство, противодѣйствующее натуральной. А нынѣ, послѣ знаменитыхъ изслѣдованій

Пастера надъ сибирской язвой, надъ «куриной холерой» и проч., этотъ принципъ предохраненія организма отъ настоящей болѣзни прививкою болѣзнетворнаго начала, взятаго въ ослабленномъ состояніи,—пріобрѣлъ весьма общее значеніе. Не прилагается ли въ извѣстной степени и здѣсь, какъ въ гомеопатіи, «законъ подобія»?

Цѣна 40 к.

2024387447